

УДК 811.161.1-112

**ОТРАЖЕНИЕ РЕДУЦИРОВАННЫХ ГЛАСНЫХ
В ПАРЕМЕЙНИКЕ ПО РУКОПИСИ РГБ, ТР. 4
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIV ВЕКА**

А.И. Кузовенкова

Аннотация

Статья посвящена вопросу о конечной стадии истории редуцированных гласных в русском языке по материалам Паремейника второй половины XIV века. Актуальность темы связана с пополнением известного фактического материала данными из неисследованной рукописи, что позволяет с их помощью проверить полученные ранее обобщения. В работе рассматриваются отражение исконных глухих в различных морфемах, смешение редуцированных со вставочными гласными и гласными полного образования, создающее графическую дублетность, а также анализируются факторы, способствующие длительному сохранению глухих.

Ключевые слова: историческая фонетика, редуцированные гласные, богослужбные памятники.

Падение редуцированных гласных в древнерусском языке не только явилось завершением тенденции к открытости слогов, но и повлияло на фонетическую систему языка в целом. Этот длительный процесс проходил с XI по XIV век. Анализ материала Паремейника по рукописи № 4 Российской государственной библиотеки из собрания Троице-Сергиевой лавры второй половины XIV века отражает финальную стадию в процессе падения глухих, борьбу архаичных традиций и инноваций.

Известно, что утрата редуцированных начинается с их устранения в морфологически изолированной позиции, где они не имели никакого морфологического значения, – в предударных корневых слогах и в абсолютном конце слова. В Паремейнике наблюдается утрата редуцированного в данных позициях (за редкими исключениями, обусловленными влиянием орфографической традиции). Б.И. Осипов называет XIV век противоречивым периодом в русской орфографии, «которая к концу XIV – началу XV века еще не успела преодолеть целого ряда традиционных элементов, так сказать, собственного происхождения» [1, с. 288]. Так, сохраняются на письме редуцированные в корнях: мѣзда (1г), къскую (16в), на къстоцѣ (11в), къздучу (7б), пригъкнетъса (15г), мѣщеня (20б), съсудъ (62б) и других. В.В. Колесов обозначил особые фонетические условия, способствовавшие сохранению изолированных глухих: в положении после /в/; в сложных сочетаниях согласных, например состоящих из двух взрывных рядом или взрывного в соседстве со щелевым.

Отсутствие редуцированных в абсолютном конце слова фиксируется в многочисленных примерах, представляющих собой сочетания полноударного слова с энклитиками: *напрагох тѧ* (78в), *слѣшах тѧ* (89а), *будут мѧ* (106а), *оукѣдѧт мѧ* (106а), *постакнѣх тѧ* (124а), *дам ти* (128б), *по|стаклакт ко* (138а), *азъ, ксѣхъ* исключительно в сочетании с частицей *же* (89б, 90б, 90г), *акрам же* (128в) и т. д.

В настоящее время актуальной для науки является проблема сохранения глухих в слабой позиции и после прояснения сильных, то есть в XIV веке и позднее с последующей их утратой или вокализацией. Известно, что падение редуцированных включает в себя два различных по механизму процесса – «падение» слабых и «вокализацию» сильных. Механизмы эти пересекаются, полная утрата слабых редуцированных не могла осуществиться до прояснения сильных вследствие действия закона открытого слога. М.Б. Попов предполагает, что на определенном этапе развития процесса (возможно, к середине XII века) слабые редуцированные исчезли фонологически в статистически значимом большинстве позиций, но в ослабленном виде сохранились фонетически в составе слога, определяя качество его консонантного элемента. После дефонологизации основной массы слабых редуцированных и в условиях их неполной фонетической утраты те, которые «задерживались» в особых синтагматических условиях, возможно, получали особый статус (своего рода «нефонематической гласности»). На морфонологическом этапе падения редуцированных бывшие редуцированные, пережившие «прояснение» сильных редуцированных, через стадию «нефонематической гласности» временно получили функциональную нагруженность, фонологическую значимость, причем это регулировалось более высокими уровнями языковой системы (см. [2, с. 261]).

На то, что утрата слабых глухих регулировалась морфонологически, указывают случаи их длительного сохранения, а впоследствии их прояснение в некоторых морфемах. Примеры из рукописи на стыке с суффиксом: *прѣрѣскѣ* (1г), *истинану* (2б), *назъчѣскѣхъ* (2г), *кзаконници* (6б), *агнаца* (131а), *прѣзданикѣ* (4а), *паѣнници* (6б) и др. В рукописи обнаруживается множество примеров вокализации слабых глухих в суффиксах: *кѣ множество* (44г) и *множество* (41в), *чюкесткиѣ* (39г) и *чюкѣсткѣ* (10а), *мужество* (72в) и т. д.; в приставочных морфемах: *кѣзѣкѣстисѣ* (51г) – *козкестите* (61г), *кѣзнесохъ* (3б) – *прекознесенѣ* (10г), *кѣзѣкратнѣ* (97а) – *козраценѣ* (18а) и др. По замечанию исследователей, церковное произношение, требующее отчетливости и избегающее различного рода ассимиляций, сохраняет на месте слабых редуцированных вокалический элемент в виде старых еров или звуков шва, а в определенных морфемах (приставках, суффиксах, реже – корнях) – в виде *о, е* (см. [3, с. 138]).

Особым случаем сохранения слабого редуцированного является положение в конце строки, где он, как правило, не утрачивается, например: *тмою* (7б) – но: *ко тѧ|мѣ* (47г), *дѣсѣтнѣ* (112а) – но: *пѣтѣдѣсѣтѣ|нѣ* (112а), *кѣстнѣ* (83б) – но: *кѣстѣ|нѣ* (83а), *птица* (7б) – но: *до пѣ|тица* (27в) и др. Однако в рукописи присутствуют и случаи, когда строка заканчивается согласной: *м|нози* (6г), *помѣшл|нѣ* (12б), *скрѣ|хѣсѣ* (14г), *слѣвѣ* (23в), *ко|пѣкѣ* (83в),

арамьск|х (26б) и др., всего встречено 37 примеров. Это новая тенденция, уравнивающая орфографические принципы с новыми фонетическими обстоятельствами. В эпоху существования редуцированных обычай заканчивать строку гласной буквой имел фонологическое значение – перенос происходил на конце слога, всегда бывшего открытым. После дефонологизации редуцированных данный обычай превратился в искусственное правило конца строки, которое в исследуемом памятнике часто не соблюдается. Таким образом, писцы, работавшие над рукописью, в основном придерживались обычая заканчивать строку гласной буквой. Возможно, знаки редуцированных помогали сохранить ровность столбца. Несмотря на то что слабые еры исчезли фонологически уже к середине XII века, в ослабленном виде они сохранялись фонетически в составе слога (см. [2, с. 240–241]).

В позиции конца строки очень часто наблюдается наличие неэтимологических редуцированных: кслучьск|кань (3а), зємь|лю (93б), ѡзъ|кү (22в), ѡкь|рзи (39а), содомьск|кь (57а), акь|рамь (60а), дожь|дд (114г) и т. д. В данном случае сохранение гласного в конце строки могло указывать на мягкость и твердость согласного. В середине строки вставочные гласные представлены значительно реже. Например, в исконно безъеровых приставках: къзъг|тѣ (90а), ізъбр|ниі (52б), ісц|кль|нѣк (51б), козъдр|кмлѣ|та (140а) и др. Вставочные редуцированные гласные, находящиеся в середине строки, должны были в то время выполнять роль дизъюнктора морфем.

В рукописи фиксируются следующие случаи прояснения вставочного гласного: ѡ кс|кхъ ѡже із|жрша (27б), ѡтуду дѣа коз|ища мѣг|жа (62в). Прояснение вставочных гласных происходило несколько позднее вокализации этимологических глухих. Появление гласного полного образования в приставочных морфемах встречается лишь в памятниках XIV века и более поздних.

В Паремейнике в положении конца строки нередко происходит мена ѡ, ѡ как вставочных, так и соответствующих этимологии: къзъ|люкихъ (68в) – къзъ|люкленъ (110б), жеръ|ткъ (70б) – жеръ|ткъ (81б), мѣ|нѣ (47б) – мѣ|нѣ (71в) и т. д. В.В. Колесов рассматривает подобные написания как отражение межслоговой ассимиляции в зависимости от степени подъема гласного следующего слога. Но, как свидетельствуют вышеприведенные примеры и такие написания, как по къ|сєі (64в), ко мѣ|ракиѣки (25б) и другие, в рукописи не всегда обозначается ассимиляционная мягкость или твердость. Многие исследователи отмечают «разрушительную» роль неорганических гласных, распространение которых изменило функциональную ценность исконных глухих фонем (см. [4, с. 109; 5, с. 78]).

В исследуемой рукописи встречаются примеры смешения редуцированных гласных переднего и непреднего ряда также и в конце лексем. В данном случае интерес в Паремейнике вызывают такие примеры, как союзы ѡщѣ вместо ѡщє, дондѣ жѣ (18г) вместо дондє жє (31г), занѣ (29в) вместо занє (130г). Кроме того, встречаются следующие написания: ізидоша на полѣ (20а), на книди к женѣ | злѣ (20г), изострѣна пауч мѣ|ча (21а) и т. п. Известно, что уже в памятниках XI – XII вв. наблюдаются случаи использования букв о, є на месте редуцированных

в слабой позиции (дѣне, кото). По мнению В.М. Маркова, подобные написания стали возможны в период раннего фонематического ослабления глухих как следствие их постепенной редукции, приводящей в первую очередь к утрате звуками особенностей верхнего подъема. Поскольку редуцированные гласные были средне-верхними, оказалось возможным их смешение и с верхними и со средними гласными /o/, /e/. Б.А. Успенский обуславливает подобные написания влиянием книжного произношения, в котором буква ѡ читалась так же, как буква о, ѡ – как ѳ.

В рассматриваемом Паремейнике примеры с гласным полного образования на месте бывшего слабого редуцированного немногочисленны – сожѣжени (29г), но пожджени (32а), створимѡ сокѣ | градѣ і столпѣ кмѣ же | галка до нѣси кудѣтѣ (46а). Чаше встречается в различных морфемах наличие редуцированных гласных, не соответствующих этимологии. Это, помимо вышеупомянутых примеров, такие лексемы, как ізкѣдѣтъ (7б), вѣдѣтъ (19г), кседежитѣлъ (2г), гукѣтѣли (19г), защитѣтъ (19г), кѣѣра (19в), колъѣ (10б), і|щѣ|лъ|нѣ|къ (15г) и др. Подобная мена еров, а также их смешение с гласными полного образования создают графическую дублетность. Понятие графической эквивалентности предполагает синонимическое использование букв в одном тексте. В.М. Марков показал, что в падении редуцированных – важнейшем из русских звуковых изменений – значительную роль сыграла свободная вариативность между редуцированными гласными и эпентетическими гласными призвуками, а также их вариативность с нулем звука. Состояние открытых слогов в языке (к которому приводили гласные вставочные звуки), по мнению многих исследователей, абсолютно неустойчиво, оно неизменно вызывает падение редуцированных (см. [6, с. 130]).

Ярким свидетельством исчезновения редуцированных гласных из фонологической системы является прояснение их в сильной позиции. В исследуемой рукописи последовательно отражены сильные и слабые позиции редуцированных. При этом в Паремейнике множество примеров как с буквами редуцированных, так и с гласными полного образования: конѣѣ (99г) и конѣѣ (5бв), кѣренѣ (49б) и кѣренѣ (47а), мѣркаю|ще (66б) и мѣркаю|ще (66а), с лѣстѣю (37а) и лѣстѣнѣю (29г) и др. Большинство сохраняющихся в сильной позиции глухих гласных находятся в соседстве с сонорными согласными: шѣдрѣкленіі (4в), потѣрпѣхѣ (19б), мѣрзѣтъ (73г) и т. д.

Встречаются примеры с вокализацией исконного сильного редуцированного и наличием вставного гласного, как правило, в конце строки: скѣрѣ|шенѣ (29г), дѣрѣ|жатѣ (31б), тѣрѣ|дѣ (42в), мѣрѣ|зѣщѣго (65б), жѣрѣ|тѣжѣ (70б), жѣстѣосѣрѣ|дѣ (84а), перѣ|кѣго (119б) и другие, в некоторых из которых, как упоминалось выше, отражаются ассимиляционные процессы. В середине строки глухие встречаются гораздо реже: перѣстѣ (61в), долѣжнѣ (117б), дѣрѣ|зѣющѣ (7в), смѣрѣ|тнѣхѣ (121г). Исследователи полагают, что редуцированный гласный, следующий за плавным, звучал в языке переписчика, особенно показательны примеры, где постановка неэтимологического глухого за плавным обусловлена следующим твердым

слогом. В исследуемой рукописи неорганический *л* указывает на сохранившуюся после утраты второго полногласия мягкость плавного, *х* – на его отвердение.

Сохранение букв редуцированных на письме в данной рукописи является данью книжной традиции, связано с навыками писцов и антиграфом. В Паремейнике не менее частотны случаи написания без букв редуцированных в слабой позиции и гласных полного образования на месте редуцированных в сильной позиции. Показательным в данном случае является и рассмотрение ряда предлогов, которое дает следующее соотношение: *к* – 448 примеров, *кх* – 484, *ко* – 138; *с* – 92, *сх* – 51, *со* – 19; *к* – 158, *кх* – 93, *ко* – 57. В большинстве случаев буква *х* на месте слабого глухого не пропускается, если предлог и корень начинаются с одинаковой согласной, а также перед корневым начальным гласным или йотом: *кх кеселак* (94б), *кх кесну* (111а), *сх старци* (13г), *сх смртлю* (21а), *кх нгуптк* (99в), *кх назъцк* (103а) и др.

Что касается отражения в Паремейнике напряженных редуцированных, то эти звуки со временем также подвергались изменениям. Напряженные редуцированные, находившиеся в слабой позиции, так же как и слабые еры, в процессе падения глухих исчезли. В исследуемом Паремейнике для обозначения напряженных глухих традиционно используются *ы*, *и*: *кльги* (40а), *стъги* (65б), *гордги* (47г), а также *х*, *к*: *зелак* (41а), *чтъак* (41б), *кунгльк* (109г). Л.П. Жуковская, исследуя прологи второй половины XIV века, обращает внимание на постоянное употребление букв *ь* или *и* в положении перед *ј*. При этом, по ее замечанию, «в словах из повседневной сферы употребления чаще встречается *ь*, а в словах из возвышенной, конфессиональной – *и*» [7, с. 170]. В Паремейнике наблюдается множество дублетных примеров, таких, как: *людик* (134г) – *людак* (29в), *досажение* (137в) – *досаженьк* (18а), *кидкник* (127г) – *кидкнык* (74б), *спник* (74а) – *схпсеньк* (96в) и другие, из которых в дальнейшем сохранится один из вариантов, либо произойдет дифференциация по семантическому или стилистическому признаку.

В исследуемой рукописи проявляются следующие следствия падения редуцированных:

1) утрата двух фонем приводит к возникновению чередований с «нулем» звука: *конецд* (56в) – *конца* (107в), *чканицд* (101а) – *чканицк* (100г), *ккрънд* (5г) – *ккрно* (10б) и т. д.;

2) отмечены отдельные случаи ассимиляции по звонкости-глухости: *путь пркднхъ глаткы* (10в), *гдк* (10в) и *кдк* (127б), *ташко* (24а) и *тажкы* (117г), *ѡ зборнаго посланѣ* (116г) и *ѡ скорнаго посланья* (117б), *копи* (64а) и *козпиша* (95г) и др.;

3) встречаются случаи ассимиляции согласных по твердости-мягкости: *кхдокицк* (101б), *пльгица* (27в), *путьемъ темхнхмъ* (10б), *пракедхнхна* (10б) и т. д.;

4) наблюдается упрощение групп согласных: *кхзратитд гд* (10г), *козрацшенак ткою* (15б, 18а), ср.: но на *дасноѣ козрати же ногу ткою* (20в),

старца пѣдѣсѣтника (13б, в данном примере можно видеть и отражение ассимиляции), ср.: пѣтѣдѣсѣтѣникъ (112а) и т. д.;

5) обнаруживается отвердение конечных губных согласных, в частности отвердение конечного [м] в формах творительного падежа единственного числа в тех типах склонения, к которым относились слова мужского и среднего рода: ѡзѣщи іхъ сѣвѣзаконѣмѣ (13в), аще премудрѣ будешѣ срѣцемѣ | сконимѣ (72а), ѡружѣмѣ (73г) и т. д. Есть и примеры отвердения конечного губного согласного в форме первого лица единственного числа нетематического глагола: кмѣ дамѣ землѣ сѣю (48г). Форма дамѣ встречается в рукописи крайне редко.

Таким образом, фонологическая система рассматриваемой рукописи отражает состояние второй половины XIV века. Анализ употребления редуцированных гласных в Паремейнике свидетельствует о полной их дефонологизации, что подтверждают факты пропуска глухих в префиксах, корнях, предлогах, вставка лишних еров, переход редуцированных в гласные полного образования, а также мена ѡ, ѣ и смешение их с гласными полного образования, создающие графическую вариативность.

Случаи сохранения глухих на письме обусловлены в том числе и книжным характером рукописного источника. Паремейник – служебный тип славянского текста Священного Писания, включающий в себя все те тексты, которые необходимы для проведения церковного богослужения. Его переписчики ориентируются в большей степени на полный тип произнесения.

Summary

A.I. Kuzovenkova. Reflection of Reduced Vowels in Parimeynik according to the Manuscript in Russian State Library, Troitskaya, 4 (Second Part of 14th Century).

This article is dedicated to the question of the final stage in the history of reduced vowels in the Russian language on the materials of Parimeynik (second part of 14th century). The actuality of the theme is connected with supplementing the known factual material with the facts of the unstudied manuscript. This allows checking previous knowledge with their help. In the work the reflection of primordial reduced vowels in different morphemes is studied. Also, the article touches on the problem of the mixture of reduced vowels with inserted ones and vowels of a full formation. This mixture creates graphical variation. In the work we analyze the facts favouring long conservation of the reduced vowels.

Key words: historical phonetics, reduced vowels, church manuscripts.

Литература

1. *Осинов Б.И.* Заметки об орфографии писцов Кирилло-Белозерского монастыря в XV в. // История русского языка. Исследования и тексты. – М.: Наука, 1982. – С. 287–297.
2. *Попов М.Б.* Проблемы синхронической и диахронической фонологии русского языка. – СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2004. – 346 с.
3. *Успенский Б.А.* Русское книжное произношение XI – XII вв. и его связь с южнославянской традицией (чтение еров) // Актуальные проблемы славянского языкознания. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. – С. 99–149.
4. *Колесов В.В.* Историческая фонетика русского языка. – М.: Высш. шк., 1980. – 215 с.

5. *Марков В.М.* К истории редуцированных гласных в русском языке. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1964. – 279 с.
6. *Чекман В.Н.* Исследования по исторической фонетике праславянского языка. – Минск: Наука и техника, 1979. – 216 с.
7. *Жуковская Л.П.* Грецизация и архаизация русского письма второй половины XV – первой половины XVI вв. (Об ошибочности понятия «второе южнославянское влияние») // Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому. – М.: Наука, 1987. – С. 144–176.

Поступила в редакцию
27.08.09

Кузовенкова Анна Игоревна – аспирант кафедры истории русского языка и языкознания Казанского государственного университета.

E-mail: AKuzovenkova@mail.ru